

и целая школа писателей, группировавшихся вокруг профессора университета Готтшеда. Так установились довольно тесные связи между русскими деятелями культуры и лейпцигцами, установилась своего рода традиция культурного общения. Очевидно, эта же традиция объясняет и то, что именно в лейпцигский университет был направлен учиться в 1763 году молодой брат фаворита Владимир Орлов, а потом, по его возвращении в Россию, по его следам, целая группа молодых русских дворян, среди которых были и А. Н. Радищев, и Ф. В. Ушаков, и А. М. Кутузов. Между прочим, В. Г. Орлов в Лейпциге лично общался с Готтшедом¹³ (Радищев и его товарищи приехали туда уже после смерти Готтшеда).

В журнале Готтшеда за 1756 год мы встречаем целый ряд материалов, связанных с Россией. В февральском номере (стр. 141—147) помещен отчет о немецкой брошюре, содержащей описание фейерверка в Петербурге перед домом гр. П. И. Шувалова. Готтшед восхищен блеском, красотой, «возвышенностью» искусства аллегорических фейерверков в Петербурге. Он хвалит и составителя данной брошюры — академика Штелина. Именно Штелин и прислал эту брошюру Готтшеду. Надо заметить, что Штелин, довольно ловкий дипломат, не был так враждебен Сумарокову, как его великий друг Ломоносов (что видно и из его известной «Записки» и из других материалов). Позиция Штелина в борьбе русских литературно-идейных течений не могла на первых порах помешать его общению с Готтшедом. Штелин с давних пор был хорошо знаком лично с Готтшедом; он был сам некогда лейпцигским литератором. Он жил до этого некоторое время в Дрездене, столице Саксонии, после чего прожил несколько лет (1732—1734) в Лейпциге, где учился в Университете, в котором преподавал Готтшед. Здесь он занимался не только науками, но и поэзией и издал стихотворный перевод наследия Сафо вместе с греческим текстом, а также ряд других переводов с итальянского и французского. Здесь же Штелин зарекомендовал себя как искусный составитель аллегорических иллюминаций. В 1735 году Штелин отправился в Россию по приглашению президента Академии наук Корфа. Штелина, без сомнения, хорошо помнили в Лейпциге. Так, еще в 1755 году в сборнике произведений А. Г. Кестнера (1719—1800),¹⁴ известного математика, с 1746 года — про-

¹³ В. Орлов-Давыдов. Биографический очерк гр. В. Г. Орлова, т. I. СПб., 1878, стр. 16.

¹⁴ Кестнер сам был членом Общества свободных искусств в Лейпциге. Он вступил в него в 1741 году. См. в нижепоименованном сборнике Кестнера стихотворение «Ob eine Gesellschaft, die Sprache zu verbessern, durch